

Сон в сумасшедшем доме

Год назад Арзамасский театр драмы поставил спектакль «Село Степанчиково и его обитатели» по одноимённой повести Ф.М. Достоевского. Публика приняла его доброжелательно и благосклонно, где-то смеялась, где-то переживала. Вот только режиссёр-постановщик Александр Иванов был не совсем удовлетворён.

ЗАГАДКА «ВНУТРЕННЕГО» СЮЖЕТА

Нет, не работой артистов – к ним у него претензий не было. Не удовлетворён своей работой; ему казалось, что спектакль должен быть мобильнее, острее, злободневнее. Словом, внутри что-то грызло и царапало. То были муки творчества, которые не давали ему покоя.

И вот недавно вновь давали «Село Степанчиково и его обитатели». Режиссёр-постановщик – тот же, актёры – те же (правда, был ввод одного новенького), концепция – та же, а спектакль получился совсем другой: сатира проявилась резче, стала ядовитее. Он шёл как бы под другим углом зрения и приоткрыл иной смысл. Оказалось, что за сюжетом, который, в общем-то, не изменился (если не считать некоторых сокращений в начале обоих действий), скрывался «внутренний» сюжет. Вот его-то и «разгадал» А. Иванов, отчего сила театрального представления возросла многократно.

Когда в 1919 году К. Станиславский начинал работать над «Селом Степанчиковым...», жанр спектакля он определял, как «комедия духа», позже, в силу известных общественных перемен, спектакль стал историей любви Егора Ильича и Настеньки.

В постановке Иванова любовная тема отошла на второй план, главное – речь идёт о вещах духовных, причём не в лоб, не назидательно; как бы отталкиваясь от определения Константина Сергеевича, Александр Валерьевич обусловил постановку, как сатиру, то есть изобличение порока с помощью осмеяния. Интересно, что первоначально сатирой называлось блюдо, составленное из разных компонентов, этакая мешанина. А ведь и в самом деле, в «Селе Степанчиково...» такая «мешанина» персонажей, судеб, характеров. Сам Достоевский так отзывался о своих героях: «Чудаки! Их как будто нарочно собирали сюда!».

«КОЛЛЕКЦИЯ ЧУДАКОВ»

Глядя на эту странную «коллекцию чудаков», приехавший из столицы по просьбе дяди Сергей задаётся вопросом: а не в сумасшедший ли дом он попал? Вот шут Ежикин (Александр Егоров), в прошлом чиновник, потерявший службу. Настенька (Елена Марышева), воспитанница полковника Ростанева, заметно стыдится своего отца, но сам он под шутливой маской скрывает личину довольно амбициозного человека. Только ему, пожалуй, удаётся под видом преувеличенной лести смеяться в глаза над Опискиным. Да и корчит он из себя шута просто из внутренней потребности, чтобы дать выход накопившейся злости.

Добрый и весельчак помещик Бахчев (Артём Марышев), постоянно поглощающий леденцы, тоже не может терпеть Фому Фомича, но вынужден, как и все, выказывать ему хоть какое-то почтение. Из этой же «коллекции» Татьяна Ивановна (Елена

Лупачева), сумасшедшая с полумиллионом приданного, вокруг которого идёт напряжённая борьба. Здесь и разумный эгоист Мизинчиков (Алексей Денисов), который задумал украсть старую «озабоченную» деву, и Обноскин (Андрей Чудаков), который по наущению мамёнки (Ирина Алисова) перехватил идею Мизинчикова и крадёт богатую невесту. Однако принятая погоня по «спасению» бедной «невесты», несмотря на жаркую «баталию» Анфисы Петровны, оставила Обноскина с носом. Впрочем, и Мизинчиков мало что поимел.

Среди «чудаков» и Видоплясов (Алексей Кистерёв) – лакей полковника, который «по совместительству» служит Опискину, и куда преданнее. И если Ежикин разыгрывает шуту, то Видоплясов – дурачок, страдающий неисправимым многословием. Доморощенный «поэт» под покровительством Фомы Опискина на полном серьёзе намеревается издать книжку под названием «Вопли Видоплясова», но самолюбивый автор опасается насмешек над фамилией и требует, чтобы «сообразно таланту, и фамилия была облагороженная». Но презираемая им дворня упорно подбирает к очередной «облагороженной» фамилии отнюдь не благородные рифмы.

Ну, и, конечно же, генеральша Крахоткина (Тамара Гордиенко). Именно она поставила на «пьедестал» Опискина. Именно она своими истериками, мнимыми обмороками и припадками загоняет сына в тупик; он вынужден уступать ей, идти против своей воли, а, значит, приневолен быть подвластным Опискину, который учит генеральшу, как ей обращаться со своим сыном и относится к нему как к «мрачному эгоисту».

А насколько омерзительна приживалка и наперсница генеральши Перепелицина (засл. арт. РФ Татьяна Нестерова). Эта старая дева, которая по делу и без дела твердит: «Я сама подполковничья дочь, а не какая-нибудь с...», постоянно портит кровь своей злобой полковнику Ростаневу с Настенькой. У неё необыкновенно злое, зверское и бескровное лицо. Она даже не говорит, а шипит, как змея, и неслучайно платок на её голове, словно раздувшийся капюшон гадюки.

Все эти странные люди имеют эпизодические роли, но сообщают спектаклю известную живость и походят на пациентов лечебницы для умалишённых.

«ПЬЕДЕСТАЛ» ФОМЫ ОПИСКИНА

Спектакль начинается с того, что придурковатый мальчик Фалалей (Дмитрий Пивоваров) перед тем, как лечь спать, слёзно молит: «Сон, не снись про белого быка. Сон, не снись про белого быка!». Но проклятый белый бык постоянно приходит: большой, с рогами, тупогубый. И когда на сцене появляется – то ли во сне, то ли наяву – Фома Опискин (Юрий Рослов), весь в белом одеянии и с подобием рогов,

мы понимаем, какого быка боится бедный мальчик; он подсознательно чувствует, от кого исходит для него беда, кто носитель зла. Казалось бы, согласно сонникам, увидеть во сне белого быка – благоприятное предзнаменование. Конечно же, Достоевский знал об этом, и всё же намеренно ввёл сон в сюжет: только в сумасшедшем доме всё может поставлено с ног на голову.

Обычно говорят, что Фома Опискин – это русский Тартюф. Да, некие параллели в этих образах есть, однако Фома гораздо сложнее, а потому страшнее и опаснее. Он не просто озлобленный и невежественный приживала, ханжа и пустослов, это проходимец под видом святоши, вторгшийся в чужой дом, втеревшийся в доверие к его хозяевам и извлекающий от этого выгоду – нет, не материальную: ему нужна безграничная власть над людьми, людьми более высокими, чем он, не только по социальной лестнице, но и по духовному развитию. Бывший шут генерала, мастерски манипулируя сознанием людей, переворачивая всё с ног на голову, представляя их самих скоплением пороков, а себя любимого ходячей добродетелью, предстаёт перед нами тираном, деспотом и самодуром, превратившим Степанчиково в сумасшедший дом.

Фому играет Юрий Рослов. На премьерном спектакле он был, на мой взгляд, несколько суетлив, порывист, торопливо взвизывался на «пьедестал». Теперь же в его движениях стало больше плавности, в его речах – рассудочности, отчего он, словно даже вырос. Актёр играет гротескно, эксцентрично, сочными, колоритными мазками. Его Опискин одновременно жалкий и ничтожный, отвратительный и мерзкий, уродливо-комический и страшный – это, можно сказать, «описка» природы.

Маленького роста, плюгавенький человечико, он мнит себя великим: то Наполеоном, засунув правую руку за борт сюртука, то знаменитым литератором, способным «написать одно глубокомысленнейшее сочинение в душевном состоянии, от которого произойдёт всеобщее землетрясение и затрещит вся Россия». Как же: в любом сумасшедшем доме есть свой Наполеон или Гоголь! Однако не каждый душевнобольной скажет о себе: «Я знаю Русь, и Русь меня знает!», лишь тот, в ком произросла мания величия.

Возвышаясь на своём «пьедестале», Фома изрекает: «О, не ставьте мне монумента!.. В сердцах своих воздвигните мне монумент...». И при этом упивается своим возвышением над этими «чудаками», которые молятся на него: он их миссия, они его секта.

АПОФЕОЗ СУМАСШЕСТВИЯ

Временами некоторые пациенты «лечебницы» отходят от лекарств-речей Фомы и видят, где они находятся, что с ними стало – и они «бунтуют». Как старый камердинер Гаврила (Михаил Денисов), которого Опискин «за грубость и в наказание» заставил учить, «как скворца», французский язык и, под смех присутствующих, строго экзаменует. «Нет, Фома Фомич, – говорит старик, – не грубиянство слова мои, и не след мне, холопу, перед тобой, природным господином, грубиянить. Но всяк человек образ Божий на себе носит, образ его и подобие... Я

же, сударь, Фома Фомич, хотя и господский холоп, а такого сраму, как теперь, отродясь над собой не выдывал!..». Однако ж, «бунт» старика был недолог, и он опять «с благоговением» потом смотрел на Фому, особенно после его временно-го изгнания.

Или вот молодой, образованный человек Сергей Александрович (Вячеслав Пичугин) – племянник Ростанева. Ему присущ не только литературный дар (дядя, представляя его Фоме, настойчиво повторяет, что Сергей, как и Опискин, «тоже занимался литературой»), но и критический взгляд на реальность, отчего он заметил, что дом полковника превратился в «жёлтый» дом. Но, то ли по молодости, то ли в силу того, что в его натуре явно наличествует слабость, он ограничивается лишь констатацией и осуждением этого факта на словах; если же и пробует противостать Фоме, который делает вид, что его не замечает, то очень робко. И не мудрено, что к финалу Сергей попадает под влияние и Фомы, и той же самой среды, которую порицает, и вместе со всеми под «Комаринского» водит хоровод вокруг объекта своей сатиры.

И только Сашенька (Елизавета Заторская), дочь полковника Ростанева, осмеливается открыто бунтовать против деспота и тирана Опискина, заявляя во всеулышание: «Мы все долго терпели из-за Фомы Фомича, из-за скверного, из-за гадкого вашего Фомы Фомича!.. Гадкий, гадкий Фома Фомич, прямо скажу, никого не боюсь! Он глуп, капризен, замарашка, неблагодарный, жестокосердый, тиран, сплетник, лгунишка... Ах, я бы непременно, непременно, сейчас же прогнала его со двора, а папочка его обожает, а папочка от него без ума!».

А что сам Егор Ильич? От природы добрый, радушный человек, он безволен, недалёк умом и совсем не понимает людей, идеализируя всех. Хозяин поместья, он не в состоянии справиться со своевольничанием приживалы Фомы, которое выходит за рамки всякого здравого смысла и меры. Впрочем, один раз он всё же осмеливается выгнать его, но под напором матушки и других возвращается. А тот в благодарность вновь начинает тиранить и унижать Ростанева; мало того, он бросает тень на Настеньку, которую Егор Ильич горячо любит. Чтобы парализовать решительность полковника, Фома пускается на хитрость и благословляет Ростанева и Настеньку на брак, оборачивая всё в свою пользу.

И все вновь славят этого «святого» проходимца и пройдоху. И вместе с ними радуется дурковатая Татьяна Ивановна, пританцовывая на «пьедестале». Вот он, апофеоз сумасшествия!

И всё же, что же это было: сон или...?

Вячеслав ПАНКРАТОВ.
Фото предоставлены Арзамасским театром драмы.